

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Нам с детства внушали отвращение к аббревиатурам - США, ЦРУ, ФБР. Произнести их вслух - все равно что послать человека на три буквы. Или вот еще страшилка советских времен: НТС, ею пугали тех, кто собирался посетить любую границу, кроме разве что Болгарии или Монголии. Валерий Жедилягин, бывший энтэзовец, живет в городе Булонь под Парижем.

Валерий Георгиевич, ваш отец, Юрий Жедилягин, был видным деятелем Народно-трудового союза, чье название в советские времена было равно нецензурщине. Чем занималась эта организация и какую роль играл в ней ваш отец. Кстати, если он Юрий, то почему вы - Георгиевич?

- Он мой приемный отец, об этом я узнал уже совершеннолетним, но считал и считаю его своим родным отцом. А что до моего отчества... Славянское имя Юрий произошло от древнегреческого Георгий. Моего настоящего отца я совсем не знал. Мама и бабушка не хотели на эту тему со мной говорить.

Политическая организация Народно-трудовой союз (ее первое название - Национально-трудовой союз) была создана в начале 1930-х годов русскими молодыми людьми, которые после Октябрьского переворота осели в Югославии. Члены организации ставили целью пропаганду солидаризма и свержение советской власти, которую считали преступной, и последующее восхождение России. Юрий Петрович Жедилягин родился в 1921 году в Белграде, учился там в кадетском корпусе, в НТС вступил 18-летним.

Мы с мамой, Верой Ивановой Зотовой, жили в Вязьме. Когда началась Вторая мировая война, мне было два года. В это время члены НТС во множестве переходили советскую границу на оккупированных территориях и вели работу среди мирного населения: рассказывали о целях организации, о путях борьбы с советским строем. Одним из них был Юрий Жедилягин. Он обосновался в Вязьме, познакомился с моей мамой, и они поженились.

В 1944 году Красная армия развернула наступление на запад, и тысячи жителей городов, не желавшие оставаться под советским режимом, ушли вслед за отступающими немцами. Юрий Петрович, мама, бабушка и я, четырехлетний, двинулись к польской границе. Шли пешком, в основном ночами, прошли кусочек Польши и Чехословакию, добрались до Германии, в зону, оккупированную американцами, обосновались в одном из лагерей для Displaced Persons - перемещенных лиц.

В 1947 году нам предоставили возможность уехать в Америку, Австралию или Марокко. Мои родители выбрали Марокко. Говорили, что Америка слишком далеко, Австралия - тем более, туда попадешь - оттуда уже не выберешься, а Марокко ближе к Европе. Туда отправилось очень много русских людей, образовалась целая колония. Жизнь забила ключом: построили церковь, отыскался профессиональный иконописец - стал писать иконы...

Почему-то для многих эмигрантов это было так важно - церковь...

- Когда собирается кучка русских людей, их должна объединить какая-то идея, а эта идея - христианство. Мне так кажется. Уехавшие в Америку или в Австралию стали жить вокруг церкви, и оставшиеся в Германии - тоже. Люди там встречались. Кто умел петь - пел в церков-

говорили по-французски. Пожили несколько лет в Ницце, перебрались в Париж. Я и мои товарищи продолжали свою работу на НТС.

По убеждению или ради, скажем так, романтики?

- Главным образом - по убеждению. Но и доля романтики присутствовала, безусловно. Одни жили идеей возвращения в Россию, другие, которые там не родились, надеялись когда-нибудь увидеть родину своих

а ну пошли отсюда! Размахнулся и ударил Толю. Драться с ним мы не стали, просто ушли.

Кто был этот хулиган?

- Вы не поверите: второй секретарь советского посольства во Франции, фамилия его - Губакин. Потом у нас с ним было еще несколько встреч в том же духе: он скандалил и матерился во весь голос.

Губакин недаром так себя вел: знал, что в Москве его похва-

ления НТС, и увезены на остров Корсика, в город Ильрус. В их числе оказался и мой отец. Хрущев побыл дней десять и уехал, а «сосланных» продержали на Корсике почти месяц, не позволяя покидать город. Этого срока хватило, чтобы принадлежавшая отцу строительная фирма в Париже по вине бухгалтера залезла в долги и обанкротилась. Отец до конца жизни расплачивался с кредиторами и умер в бедности. Вот что наделал приезд Хрущева!

Это при де Голле. А еще Брежнев посещал Францию...

- ...тогда президентом был Жискард д'Эстен...

...наш с вами тезка.

- А, да, его звали Валери. Брежнев к нему обращался с той же просьбой, что и Хрущев: на время его визита убрать подальше всех членов НТС. Жискард д'Эстен ответил, что во Франции дикарей нет, никто Брежневу убивать не собирается, а НТС находится в стране легально, и никаких действий против ее активистов он предпринимать не будет.

Вы собирались стать теологом. Но почему-то оставили учебу в Институте богословия, выучились на юриста, а в итоге стали переводчиком...

- Во-первых, богослову во Франции непросто найти работу, а призвания стать священником у меня не было. Во-вторых, даже закончив юридический факультет, я никогда не практиковал: оказалось, что не французскому очень трудно, если вообще возможно, устроиться по этой специальности. На мои curriculum vitae (в Америке это называется resume) я получал из адвокатских контор и страховых компаний вежливый, но твердый отказ.

Прямой повод пожалеть о том, что вы не француз, а всегнаншего русский...

- У меня таких сожалений никогда не было. Но я рад, что мой сын Максим, родившийся во Франции, стал юристом-международником...

Свой первый переводческий опыт я получил в автомобильной компании Renault. В начале 1970-х годов Renault поставляла оборудование и технологии для строящегося в СССР завода по выпуску КамАЗов, и оттуда во Францию прибывали молодые специалисты. Меня привлекала возможность, общаясь с ними, продолжать свою деятельность по линии НТС. Что я и делал на протяжении восьми лет. После того как завод в Набережных Челнах был построен, компания Renault оставила меня в отделе переводчиков, там я доработал до выхода на пенсию.

Как складывались ваши отношения с Россией помимо энтэзовской деятельности? Вы бывали на своей родине?

- Раньше в моем документе, выданном префектурой и приравненным к паспорту гражданина Франции, значилось, что я могу ехать в любую страну мира, кроме СССР, когда же не стало Союза, появилась другая запись, которая разрешала ехать куда угодно, кроме России. Я пришел в префектуру, говорю: «Что вы тут написали?! Россия - единственная страна, которую я мечтаю увидеть, а вы мне запрещаете!» Но ничего не добился. А мой сын был знаком с российским консулом, и тот выдал мне визу. Так в 1998 году я впервые отправился в Россию. В аэропорту «Шарль де Голль» полицейский долго вертел в руках мой паспорт и билет до Санкт-Петербурга, потом спросил своего коллегу: «Жерар, а Санкт-Петербург - это где?..»

Мое паломничество в Россию состоялось в августе 1998 года. Я себя ощущал паломником. Будь я

ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО?

Валерий Жедилягин:

"Я побывал в гостях у Пушкина и Достоевского"

ном хоре. Мне кажется, что русский человек без церкви ощущал бы вокруг себя пустоту, его жизнь не сладилась бы.

А вам какая роль была уготована в церкви?

- Благодаря родителям, людям глубоко верующим, я с малолетства был при церкви, старался не пропускать ни одной службы.

В лагерях, в том числе в Марокко, мой отец не оставлял деятельность по линии НТС, и меня к ней приобщил, и многих моих сверстников. Мы понимали важность этой работы, использовали любую возможность встретиться и поговорить с людьми из СССР. Советские корабли - военные и гражданские и даже подводные лодки - заходили в порты Марокко.

Но ведь члены экипажей находились под присмотром «нянек» из НКВД - как тут установить контакт?

- Мы умудрялись это делать, передавали туда литературу, листовки, программу НТС, газету «Посев». В 1956 году Марокко перестал быть французским протекторатом. Русским людям стало трудно там жить, негде было устроиться на работу, и они начали оттуда разъезжаться. У отца была фирма строительная, он построил очень много домов в Касабланке и других городах, а тут лишился заказов. И мы уехали во Францию, поскольку уже свободно

отцов. Но пока этого не произошло, мы видели свою задачу в том, чтобы объяснить людям - в каком мире они живут и в каком могли бы жить, если бы не коммунистическая власть.

Как-то не верится, что с вами охотно общались. Неужели никто ни разу не сказал: отстаньте, за кого вы меня принимаете, в конце-то концов?!

- Было уже начало 60-х, советские туристы, изредка попадавшие в Париж, выходили в центр города, гуляли на Елисейских полях, и мы, конечно, тут как тут. Многие нас сторонились, боясь гзбешных «нянек», которые за ними присматривали. Но были такие, что осмеливались с нами разговаривать, брать литературу. Попадались и провокаторы: «Давай, давай свою литературу», - а сами тут же, у нас на глазах, засовывали ее в водосток: вот как мы поступаем с вашей пропагандой.

У меня был близкий друг Анатолий, мы с ним учились в богословском институте (Толя его закончил, стал священником, а я оставил богословие, закончил юрфак). Мы с ним пришли в гостиницу, в которой остановились советские туристы, хотели вручить им листовки и газету «Посев». Оттуда вышел здоровенный дядя, метра два ростом, широченный в плечах, и - на нас с кулаками: ах вы, белобандиты, так вашу мать,

лят за проявление советского патриотизма. Но вы-то почему не позвали полицейского?

- Мы постеснялись. А может, храбрости не хватило. Вот самый свежий пример того, как ведут себя люди «оттуда». В прошлом году друг познакомил меня со своим родственником, прилетевшим из Минска, полковником милиции. Мы гуляли по Парижу, полковнику захотелось присмотреть сувенир на память. Подходит к чернокожему парню, который торговал брелочками в форме Эйфелевой башни, а нам говорит: «Вот увидите, он мне отдаст бесплатно». Правой рукой вынимает из кармана красную книжицу - удостоверение сотрудника МВД Беларуси, сует под нос продавцу, а левой тычет в брелок: мол, дай мне! И очень удивился, когда парень, вместо того чтобы испугаться, обругал его по-французски.

Интересно, как относились французские власти к деятельности НТС?

- Можно сказать, терпимо. Но в марте 1960 года, накануне визита во Францию Никиты Хрущева, поступила просьба: чтобы во время его поездки по стране он был огражден от возможных контактов с членами НТС. И по распоряжению президента Шарля де Голля все они были задержаны полицией Парижа, Ниццы и других городов, где работали отде-

бабой — честное слово, плакал бы. Жил в Питере у двоюродного брата, Валентина Аладыкина. Он собрался посетить меня в Париже, должен был в субботу вылететь, а в пятницу мне позвонили и сказали, что Валентин убит. К нему в квартиру ворвались бандиты, жгли его утюгами, били. Наверное, требовали денег, которых у него никогда не было...

- «Бандитский Петербург» недаром там снимали...

- А тогда я целых три недели днем и ночью шатался по Петербургу и сам себе говорил: «Давай-ка сходим в гости к Пушкину», - и шел на Мойку, в квартиру-музей Александра Сергеевича. Таким же путем побывал «в гостях» у Римского-Корсакова, у Достоевского. Ходил по церквам, слушал прекрасные хоры, всюду видел зажженные свечи, толпы молящихся...

- И все это - в бывшей стране воинствующего атеизма...

- ...которому не дали восторжествовать полностью. Душа человека — христианка от рождения. Кому принадлежат эти слова — сказать не берусь, но мысль эту разделяю. Поразило меня обилие бедных пожилых людей: у входа в каждую церковь стоят старики, просят милостыню.

- И в такую Россию вы мечтали вернуться?

- Но послушайте, так всегда было на Руси. Вспомните у Лермонтова: «У врат обители святой стоял просящий подаянья». Вид бедняков меня не оттолкнул, никак нет! Но было больно за этих людей. А в какую Россию я мечтал вернуться... Не только в ту, которую знал по книгам, и не только потому, что влюблен в русский язык и в кухню русскую — я мечтал увидеть Россию, которая встает с колен. Именно это с ней и происходит! Такой жуткой бедности там больше не будет.

- Отчего вдруг такая уверенность? Еще немного, и я услышу, что вам по душе действия нынешней российской власти.

- Я с самого начала был за Путина...

- А теперь?

- Таким и остался. Он мне симпатичен. И политику его считаю полезной для России. Знаете, почему на Западе не любят ни Путина, ни его наследника Медведева? Потому что они возрождают Россию, ее армию, пытаются вернуть стране звание могущественной державы. Мне это нравится. Я хочу, чтобы Россия могла оборонить себя от любого врага.

- Правильно ли это - жить во Франции, быть патриотом России?

- Я не француз, поэтому не могу быть патриотом Франции. Хотя желаю ей всего самого хорошего. И я защищаю свою страну, и эта страна — Россия, понимаете? Живи я там, обязательно вступил бы в партию «медведей». Если бы приняли.

- Так почему же вы при таких настроениях не уезжаете в Россию, не проявляете свой патриотизм там, где этому чувству самое место?

- Потому что возможность возвращения появилась у меня слишком поздно. Слишком глубокие пушены корни. Да и годы мои не те.

- А вот Борис Сергеевич Пушкарёв, нынешний председатель НТС, директор издательства «Посев», после многих лет жизни в эмиграции вернулся в Россию. А он постарше вас будет...

- В свое время и Солженицын вернулся. Так я же не из таких людей, я — простой смертный. Мне и жить там негде было бы, даром что в Вязьме мой родной дом до сих пор стоит: первый этаж кирпичный, второй — деревянный. Я туда ездил, все видел своими глазами.

- Бывали на концертах Высоцкого, когда он приезжал в Париж?

- Конечно.

- Значит, помните эти строчки: «Распространенье наше по планете особенно заметно вдалеке...»

- Нет, не припомню...

- А дальше вот как: «В общественном парижском туалете есть надписи на русском языке». Это я к вопросу о русской общине во Франции: велика ли она и в какие годы сложилась?

- Смотри о какой общине говорить. Здесь, как и в Америке, были представители первой политической волны, которых выгнал из России переворот 1917 года: князья, военные, крупные чиновники. Их уже почти не осталось, живут их потомки. Вторая политическая волна, которой и я принадлежу, — это люди, которых за пределы России вынесла Вторая мировая война. Нас тоже очень мало осталось. Можно сказать, что единой русской общины нет. Была организация, называвшая себя РСХД — Русское студенческое христианское движение, но теперь думают из названия букву «р» выбросить, потому что там русских почти не осталось, и по-русски никто не говорит.

- А ваш сын Максим?..

- Он и говорит, и пишет. У него много знакомых среди русской молодежи, которая приезжает во Францию на учебу, на работу. Недавно летал в Москву, был приглашен на Всемирный Конгресс русскоязычной прессы. Закончил университет, юрист, работает в крупной французской фирме. Он, как и я, — патриот России.

- А он-то как сумел им стать?

- Мне для этого пришлось приложить немало усилий. Максим до четырех лет французскую речь вообще не слышал, в нашем доме даже телевизора не было. Я ему давал слушать русские песни, рассказывал русские сказки, читал рассказы русских писателей, вскоре он сам научился читать. В четыре года пошел в детский сад, и там очень быстро заговорил по-французски. Но к этому времени осознал, что язык, на котором его отец говорит с двумя-тремя своими приятелями, — для него самый главный. Любит музыку русских композиторов, посещает спектакли театральных коллективов из России. Ему понятна и близка не только французская культура во всем ее разнообразии, но и русская...

...Тут бы мне самое время поставить спокойную оптимистическую точку. Но как было не спросить:

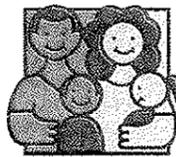
- Вы на стороне России даже после того, что она натворила в Грузии?

- Я бы сказал — после того, что натворила Грузия. Да, я на ее стороне: она была вынуждена ввести свои войска в Южную Осетию, чтобы защитить мирное население от грузинских обстрелов и бомбежек. Знаю, что американцы на сей счет другого мнения, но это их дело. Осетины не хотят и не будут жить с грузинами — разве не ясно? Саакашвили — паяц, марионетка, опасный человек. Возможно, сами американцы перепугались, поняв, кого они вооружали на свою голову.

- Одним словом, вы не считаете, что Россия, таким образом поднимаясь с колен, своим поведением надолго уронила себя в глазах всего мира?

- Нет, я так не считаю. Мир может так считать, и это меня не удивляет: он всегда был настроен анти-русский. На эту тему говорить можно очень много, но я, по-моему, высказался вполне определенно...

Валерий САНДЛЕР.

CenterCare
Health Plan

FIDELIS CARE

Fidelis Care с
гордостью приветствует
в своей семье участников
CenterCare!

Мы остаёмся центром вашей
здоровой жизни.

Хорошие новости для
участников CenterCare!

1 августа CenterCare полностью слился со своим партнёром — компанией Fidelis Care.

- Те же самые замечательные услуги и программы для поддержки вашего здоровья.
- Доступ более чем к 39 000 провайдером по всему штату, включая ваших врачей и больницы CenterCare!

Fidelis Care гордится служить более чем 420 000 участникам Child Health Plus, Family Health Plus и Medicaid в штате Нью-Йорк.

Мы с нетерпением ожидаем служить вам на том же уровне качества заботы и сервиса, который вы уже знаете.

1-800-545-0571; TTY: 1-800-730-6544
1-888-FIDELIS (1-888-343-3547) TTY: 1-800-421-1220